



О возможных путях исследования классической риторики

Бухаркин Петр Евгеньевич

Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург,
Россия

On possible ways to study Classical Rhetoric

Bukharkin Petr

Saint Petersburg State University (SPSU), St. Petersburg, Russia

Аннотация

В статье – на фоне других путей исследования классической риторики – рассматриваются перспективы изучения отдельного риторического трактата в контексте всей риторической традиции.

Abstract

The main objective of this paper is to describe different ways to study Classical Rhetoric. Special attention is paid to the methods of studying a single rhetorical treaty in the context of the whole rhetorical tradition.

Ключевые слова: Риторика, трактат, традиция, источник, русская литература

Keywords: Rhetoric, treaty, tradition, source, Russian literature

I. Хотя моя статья связано преимущественно с риторическими сочинениями М.В.Ломоносова, речь далее пойдет не столько о них самих в

их самостоятельной ценности, сколько о классической риторике вообще. Ломоносовские трактаты рассматриваются в ней прежде всего как вполне типичные сочинения подобного рода Раннего Нового времени в его переходе к непосредственно Новому времени.

II. В самом общем виде риторику Ломоносова — как и любую другую значительную по своим итогам презентацию классической риторической мысли, в какое бы время и в какой стране она ни осуществлялась, — можно исследовать — что и делалось и продолжает делаться в филологической науке — в двух основных ракурсах: как риторическую теорию и как конкретные риторические трактаты. В первом случае речь идет о комплексе соответствующих идей какого-либо конкретного автора, о, если так позволительно выразиться, его риторической теории, и — на что особо обращалось внимание — о влиянии этих идей на последующие



лингвистические и, в меньшей мере, поэтологические построения¹.

Подобный подход, как и любой другой — в случае ясного осознания собственных целей и границ, — не просто имеет право на существование, но и оказывается нередко весьма плодотворным; в частности, он позволяет отчетливее видеть отдаленные истоки тех или иных филологических построений, обнаруживая тем самым актуальность старинных риторических или же стилистических представлений. Здесь можно сослаться — если ориентироваться на классические труды — на некоторые статьи Р. Барта [Barthes 1970; Барт 1977] или же на книгу Ц. Тодорова «Теории символа» (1977). Из русских работ следует указать как на одно из первых новых отечественных сочинений о риторике в целом — небольшую книгу Н. А. Безменовой «Очерки по теории и истории риторики» (1991), так и на последнюю (насколько мне известно) монографию по данной теме — книгу Э. Колесниковой «Введение в теорию риторики» (2014).

III. Однако такой ракурс изучения классической риторики включает в себе и некоторые опасности. Во-первых, нередко происходит модернизация старинных воззрений на речевую деятельность: они чересчур сближаются с концепциями современной науки (Гиндин 1986). Во-вторых (и это представляется более важным), обычно мало учитывается тот культурный контекст, в котором появлялись конкретные риторические труды, — имею в виду классическую риторическую традицию в наиболее значимой ее теоретической ипостаси: в

риторических трактатах. В результате часто обходится важнейший вопрос о степени самобытности идей того или иного автора, вопрос, который можно решить только с учетом предшествующих ему теоретических сочинений. Пример Ломоносова здесь весьма выразителен: даже поверхностное знакомство с его предшественниками демонстрирует неоригинальность не только многих положений «Краткого руководства к риторике» (1744) и «Краткого руководства к красноречию...» (1748), но их общего пафоса. Не будет излишней смелостью сказать, что, игнорируя связь риторических трудов Ломоносова с европейскими и восточнославянскими трактатами той же направленности и того же типа, трудно составить о первых сколько-нибудь адекватное представление. И это относится не к одним ломоносовским сочинениям, но и к риторическим трактатам классической эпохи вообще.

IV. Как раз на то, чтобы избежать таких неясностей и просчетов, нацелен второй из важнейших подходов к исследованию ломоносовской риторики; его можно определить не как рассмотрение высказанных в старинных риторических трудах идей, но как анализ самих этих риторических трактатов как особого рода словесных текстов, укорененных в европейской классической традиции.

Наиболее востребованной проблемой при подобном аспекте исследования оказалась проблема источников: история изучения сочинений М. В. Ломоносова по риторике прекрасно это подтверждает. Но несмотря на сделанное многими и разными комментаторами, такими как А. С. Будилович, М. И. Сухомлинов, Г. П. Блок и В. Н. Макеева, П. Левин, Х. Кайперт, Х. Грассхофф, М. Ф.

¹ См. в качестве примера: [Виноградов 1958].



Мурьянов, Л. И. Сазонова (и этот перечень весьма далек от полноты), следует солидаризоваться с мнением Л. И. Сазоновой, писавшей (со ссылкой на Г. Кайперта), что «мы отнюдь не знаем еще всех источников... Риторика Ломоносова, ... очень важные образцы остаются еще не открыты» [Блок, Макеева, Сазонова 2011: 673]. Недавние публикации А. А. Костина, К. Н. Лемешева и С. Н. Николаева, связанные с уточнением круга источников «Краткого руководства к красноречию...», служат этому подтверждением.

V. В целом, значимость подобных исследований не вызывает сомнений. Для изучения творческой истории ломоносовских трактатов, в первую голову второго из них, для их комментирования они необходимы. Вместе с тем, несомненно важные в текстологическом аспекте и раскрывающие многие культурные механизмы ломоносовской эпохи непосредственные источники, например, «Краткого руководства к красноречию...» далеко не всегда позволяют понять как место данного сочинения в риторической литературе, так и многие важнейшие особенности — и его самого (как единичного культурного факта), и классической риторики в целом. Более того, они могут отчасти и препятствовать адекватному, т. е. опирающемуся на представления анализируемой эпохи, пониманию и текста, и стоящих за ним и ценностно ориентированных содержательных стратегий его автора. Такие неоднозначные результаты установления непосредственных источников какого-либо классического риторического трактата объяснимы «самой природой данного жанра, предполагающего наследование

традиции: сходные формулировки правил, одинаковые иллюстрации могут повторяться в десятках различных руководств по риторике» [Блок, Макеева, Сазонова 2011: 673].

VI. Из этого вытекает не только основная трудность установления точного источника (точных источников) — в большинстве случаев эта проблема все же решается. Существенное другое: происходит смешение принципиально разных литературоведческих понятий — конкретного источника и литературной традиции; последняя если и не подменяется первым, то, во всяком случае, перспективность и научная плодотворность ее изучения ставится под сомнение. А это — в аспекте не комментирования, но истории литературы, — таит в себе немалые опасности. Ведь для риторического трактата эпохи рефлексивного традиционализма (С.С.Аверинцев) в первую очередь релевантно именно «наследование традиции», т. е. обращение к неопределенному множеству текстов, репрезентирующих традицию классической риторики, а не диалог с каким-то определенным метариторическим текстом.

VII. Направленность классического риторического трактата не на определенного предшественника / предшественников, но на риторическую традицию в целом в весьма различных ее модификациях ставит перед наукой проблему изучения именно этой традиции; поиски источников в данном отношении могут помочь лишь опосредованно. Ведь, занятые их обнаружением, мы с неизбежностью — вольно или невольно — сосредоточиваемся на взаимоотношениях двух конкретных текстов; наше понимание того, что



претекстов у интересующего нас риторического трактата много, не меняет научного пафоса исследования: для нас его отношение с предшествующими сочинениями той же жанровой природы все равно представляются в виде контактов с каким-то количеством *отдельных текстов*, а не как ориентация на некую множественность текстов, на их трудно членимую на части совокупность.

VIII. Для правильной постановки обозначенной здесь исследовательской задачи и для дальнейших подступов к ее решению требуются конкретные исследования именно риторической традиции. Одно из возможных направлений такого исследования представляет словарь «Риторика М.В.Ломоносова. Тропы и фигуры»². В нем дан достаточно представительный и аналитически подобранный материал, позволяющий увидеть некоторые магистральные тенденции функционирования классической риторической традиции и яснее представить место в ней ломоносовского «Краткого руководства к красноречию...».

Литература

Виноградов В. В. Ломоносовский период в изучении русского синтаксиса (с середины XVIII до 20-х годов XIX в.) // *Виноградов В. В.* Из истории изучения русского синтаксиса (от Ломоносова до Потебни и Фортунатова). М.: Издательство Московского университета, 1958. 399 с. – С. 7–133.

Барт Р. Лингвистика текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII: Лингвистика текста. М.: «Прогресс», 1978. 480 с. – С. 442–449.

Гиндин С. И. Риторика и проблемы структуры текста // Дюбуа Ж., Пир Ф., Тринон А. и др. Общая риторика. М.: «Прогресс», 1986. 392 с. – С. 355–366.

Блок Г. П., Макеева В. Н., Сазонова Л. И. [Примечания к «Краткому руководству к красноречию»] // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений: В 10 т. 2-е издание, исправленное и дополненное. Т. 7 / науч. ред. Е. Э. Бабаева, В. М. Живов (отв. ред.), Л. И. Сазонова. М.: Наука, 2011. 864 с. – С. 662–718.

Риторика М. В. Ломоносова: проект словаря / науч. ред. П. Е. Бухаркин, С. С. Волков, Е. М. Матвеев. СПб.: Геликон Плюс, 2013. 132 с.

Barthes R. L'ancienne rhétorique // Communication. 1970. Vol. 16. № 1. P. 172–223.

References

² См. о нем: [Риторика М. В. Ломоносова 2013].